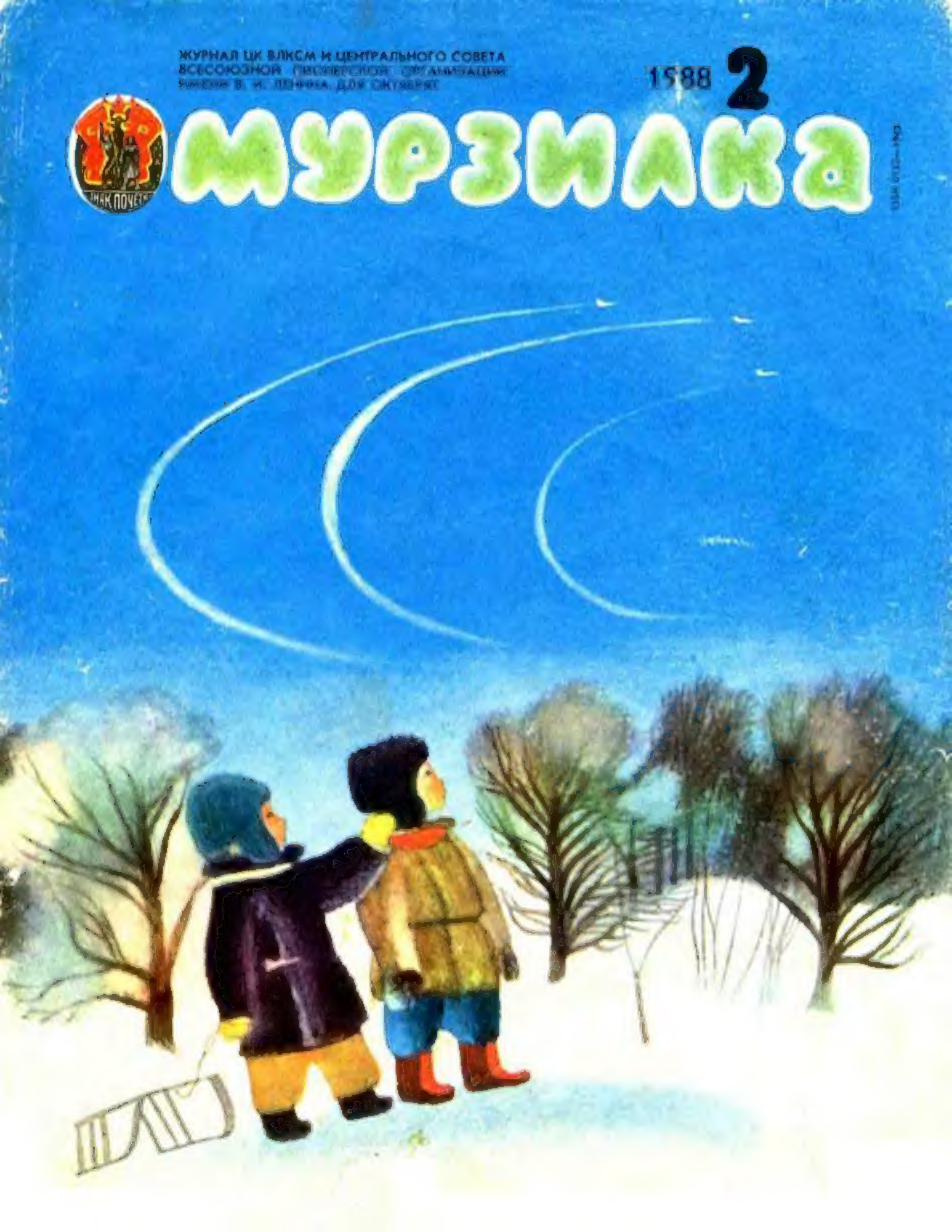
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
имени В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ МЛАДШИХ

1988 2

МУРЗИЛКА



СОВЕТСКОЙ АРМИИ — 70 ЛЕТ

Рис. Жени АСТАХОВА, г. Троицк

Слава нашим дедам и прадедам, защитившим Родину от врагов! Слава отцам и старшим братьям, стоящим на страже мирных границ!

В нашей школе все октябрята и пионеры на сборах и на классных часах читают и говорят про то, как наша страна борется за мир. Мы хотим сказать спасибо Михаилу Сергеевичу Горбачёву за то, что он делает всё, чтобы был мир на Земле. Пусть всегда будет мир!

Наташа ЛЕКАРЕВА, г. Омск

Здравствуй, Мурзилка! Я и мои друзья хотим, чтобы не было войны. Мы хотим мира, чтобы учиться и трудиться.

Руслан КУЧЕРОВ, Ташкентская обл.

Дорогой Мурзилка! Как хорошо жить на мирной земле! Меня зовут Оксана, я учусь во втором классе. Все мы хотим, чтобы мир был на нашей планете, чтобы наши солдаты и все люди мира берегли его.

Оксана ЕФИМЕНКО, г. Славянск, Краснодарский край.

Рассказы из отцовского сундучка

Виталий Коржиков

Давно-давно, в детстве моём,
был у нас дома старый солдатский сундучок.
Ни гостинцев, ни особых нарядов, ни заводных игрушек в нём не водилось,
а тянуло к нему — невозможно сказать, как тянуло.
Бывало, ходишь рядом, на взрослых поглядываешь, вздыхаешь.
И ничего тебе не надо — только бы разрешили приоткрыть,
зацепиться за край одним глазком.
А там уж залезть совсем с головой — в старые отцовские значки,
краснознамённые грамоты со словами: «Верному бойцу революции».
Вытащить простреленную будёновку и фронтовой широкий ремень.
Да не просто ремень, а ремень с «историей». То-то и волновало,
что всякая вещь там была с историей.
А какие были фотокарточки!
Со всех фронтов отцовскими друзьями присланные!
Тот на коне, другой у пулемёта, третий у пушки.
У всех глаза суровые, взгляд прямой: готовы в бой, за власть Советов!
Бывало, наденешь отцовскую будёновку и в который раз переживаешь все истории,
слышанные от отца и его друзей.
И как всыпали свинцового перца адмиралу Колчаку, и как рубились с
Деникиным. И как показали барону Врангелю, в каком Крыму раки зимуют.
И словно шумит над тобой степной ветер.
И кажется, сам летишь
с красными конниками в сабельную атаку.
И уже давно закрыт сундучок, и укрыли тебя одеялом,
а всё лежишь, не успокоишься, не уснёшь.
Потому что такие истории
Всё летят и летят, зовут и зовут.
Не хотят успокаиваться.

ОДНО, ОБЩЕЕ ДЕЛО

Было это давно — в самую революционную пору.

Шёл домой фронтовой солдат. С долгой войны. Коренаст, крепкоскул. В синей от пороха руке сундучок. На плечах шинель.

Торопился солдат. Три года дома не был. Ушёл молодым, а возвращался бывалым. С царской войной покончил, царя с трона сбрасывал, слушал в Питере Ленина, Владимира Ильича. Слушал, запоминал: решительно берите власть в свои руки!

Вот и шагал он решительно домой. Хрустел под ногами первый ледок, морозил скулы родной морозец. Хорошо! Так и казалось: расскажет он землякам про Ленина, про Советскую власть, обрадуются люди, возьмутся за дело, и такая хорошая жизнь пойдёт!

Вон зажелтели уже старинные сосны с аистиными гнёздами и пчелиными дуплами. Шевельнула навстречу крыльями ветхая мельница. Затемнела за оврагом вековая липа, и прижалась к ней старая отцовская кузница... Вот и речка Ипуть, и Сурож — городок маленький, да свой... А там школа — сам в неё ходил, и соседских детишек водил — Ванятку, Мишатку...

Совсем обрадовался солдат. Но подошёл к мосту и насторожился. Из-за рощи, из-за деревьев выглянули дула винтовок, выскочили несколько человек, накинулись на него. По карманам зашарили, сундучок обыскали.

— Да вы что, люди добрые?! — словно бы удивился солдат, а сам отметил: вон тот в картузе — приказчик из магазина, другой — фабрикантский сынок...

— А то! Листовки есть? Выкладывай! Чтоб ни большевистских листовок, никаких газет. Ни про Ленина, ни про Советы!

— А что так?

— Будто не знаешь! Выдумали какую-то Советскую власть.

«Вон оно что», — смекнул солдат. И спрашивает:

— Так это вы Советскую власть в город не пускаете?

— И не пустим! Нам и при нашей не плохо жуётся.

— Ну, ну, — усмехнулся солдат. — Попробуйте...

Так и вошёл мой отец в свой родной

город. Заглянул домой в хатёнку, обнялся с матерью, сёстрами, поставил в угол сундучок и в город, на базар. Не за покупками, за разговорами.

Походил, послушал. Тот шелестит вязанками лука и чеснока, у другого нитки сушёных грибов качаются. Сходятся мужики, то шепчутся, то шумят:

— А землю делить будут? Сеять скоро!

— Вон новая власть придёт...

— А какая она, новая?

И Ванятка тут, и Мишатка тут. Подросли, вытянулись. Семечки лузгают, разговоры слушают.

Не выдержал отец, скинул шапку, вскочил на сани, говорит:

— А та Советская власть, которая с нами советуется, землю нам даёт, чтоб хлеб растили. Фабрики и заводы рабочим, чтоб для себя работали. Школы вашим детям даёт — учитесь! Только её самим брать надо, а не ждать, когда дадут. Решительно брать, так сказал товарищ Ленин!

Тут уже толпа про торговлю забыла, придвинулась. Стоят, смотрят: кто такой? Это же Тит, сын кузнеца Михайлы!

— А ты что, Ленина слышал?

— Слышал,— рубанул отец воздух.— Так и сказал, чтоб власть брали, а не по углам шушукались!

Толпа вздохнула. А солдаты, тоже бывалые люди, говорят:

— Ты, Тит, не горячись. Тут и до тебя умные головы были, да силёнок у нас маловато. У них вон оружие,— и кивнули в сторону рощи.— Они матроса с «Авроры» убили. И немца, если что, как соседние богатеи, на помощь позовут. Думать надо.

— Думать надо! — согласился отец.— Но не только думать!

Поговорил ещё, посоветовался. И в тот же вечер пропал.

Лесными тропами да мёрзлыми болотами пробирались красные партизаны на большую станцию, мимо вражеских постов, собирались в одну силу, в крепкую армию. Пробился на станцию и отец, прошёл к молодому командиру, к Щорсу, по-свойски, по-солдатски выложил:

— Выручай, Николай! Буржуята у нас на дороге засели, Советскую власть, видишь ли, в город не пускают! Ты выручишь — и мы в долгу не останемся.

Улыбнулся, кивнул Щорс:

— Ладно! Одно дело общее делаем!

Вернулся отец к городку с боевым отрядом, а по дороге ещё партизан с пушкой встретил. Пушечка старая и снарядов всего два. А пригодилась. Развернули её на окраине города, прицелились: «Ну!» Ударили одним снарядом в сторону рощи — за матроса с «Авроры»! Прошлись поверху пулемётной очередью. Сыпанули в небо с деревьев вороны, а рощинские вояки ещё быстрей — кто куда.

Вошёл красный отряд в город. Собрался на площади народ. Поднялся отец на орудийную повозку, посмотрел, поискал кого-то:

— Ну что? Значит, не пустите Советскую власть? А она будет. По всей нашей земле будет. Чтоб был у людей мир да совет.

Обрадовались земляки хорошему слову. И только «вояки» жались по углам, злобились: «Ну держись, Тит!»

Как-то собрался отец с заданием в соседний городок — Клинцы. Мальчонкой ездил туда, бывало, с соседями. Лошадки, дедом кованные, так и выцокивали: «Клин-цы. Клин-цы!» Там и фабрика, и ярмарка, и народу полно.

Теперь не до веселья. Пробираться надо тайком, с оглядкой. Пыхтит на путях, как железный боров, германский бронепоезд, грозит пушками, щетинится пулемётами! Захватили немцы Украину, свирепствуют, вместе с буржуями грабят.

Ездит по Клинцам комендант барон фон Гоц — каска с набалдашником, глаза навыкате, зыркает: «Гонят отобранный скот? Гут! Везут для Германии зерно... Гут! Не отдают коров! Расстрелять. Сопротивляются? Повесить!»

Отец про него сочинил частушку:

В гости к нам забрался фон.
Грабит он, лютует он.
Только скоро этот гость
На горячий сядет гвоздь!

Рассвирепел Гоц: «Агитирует? Схватить большевика, повесить». Только сперва возьми! У отца скулы стали жёстче да подбородок круче.

Напялил на голову заячий треух, распахнул шинель, ремень в карман сунул. Идёт по городу Емеля Емелей, мужичок-простачок. А глаза всё видят, темнеют: потащили немцы бурёнку... Гайдамаки, буржуйские служки, парнишку к тюрьме волокут, руки выворачивают, а мать — нагайкой по спине, по лицу... Качается под виселицей верёвка... Индевеет на стене приказ:

«За неповиновение германскому командованию расстрелять»...

Сдвинул брови отец, скрипнул зубами, кулак, синий от пороха, тяжелей стиснул. Проскользнул мимо часовых в железнодорожную мастерскую: к бою, к бою пора готовиться! Товарищ Ленин велит...

Заглянул и к немцам в казарму. Пообшарпались солдаты. Рогатые каски с голов сбросили. Потирают затылки. Ропщут, Гоца ругают. Угостил отец их махоркой, говорит — по-свойски, по-солдатски:

— Ругаете Гоца? Правильно! Он ведь и вас расстреляет. Вы же рабочие люди! В руках у вас оружие! Езжайте домой. Гоните фонов! А мы своих одолеем! Миром жить будем!

Закивали солдаты — хоть и с оглядкой:

— Правильно! Рихтиг! Поедем!

Но кто-то и докладывать побежал. Да только отец уже шагал далеко. Шагает тропой, на пороховой кулак ремень солдатский наматывает: «Ну держись, Гоц! Держись, гайдамаки!»

Выбрался, наконец, на знакомую опушку, вздохнул, снежок сверкает. Тишина, покой.

И вдруг крик:

— Стой, Тит! Попался!

Выскочили трое — и к отцу. А он оглянулся — вскинул над головой что-то тяжёлое, чёрное: «Ложись, взорву!»

Отпрянули палёчики, согнулись. А отец командует:

— По одному — вперёд!

Довёл их до околицы, да как развер-

нёт ремень, да как прошёл одному по спине — в воздухе ахнуло. Другого по шее кулаком — крепким, кузнецким. Бросились вояки в стороны — и за углы. Не догнать!

Скоро запахло в Суроже свежим сеном, заскрипели по дорогам сани, телеги. Потянулись люди на сход, к площади. Кругом только и разговоров, как Тит солдатским ремнём чуть было голубчиков не взорвал. А он оглядел всех исподлобья, вышел на крыльцо.

— Смеётесь, поёте?

А один мужичок говорит:

— А что не веселиться? Теперь наша власть.

Нахмурился отец:

— Рядом горе гуляет. Народ кровью захлёбывается! В Клинцах ваших братьев немцы и гайдамаки насмерть секут! В Чернигове вешают. Что же мы, смотреть будем?

Притихла толпа.

— Неужто родных братьев в беде оставим?

— Не оставим! — сказал Мишатка.

— Не оставим! — поддержал Ванюшка.

— Не будем, не оставим,— сказал отец.— За братьев родных ни сердца, ни головы не пожалеем!

А мужичок вышел вперёд, говорит:

— Голову ты пожалей. Кой-чего стоит. Вон фон Гоц хорошие деньги даёт за неё.— И отцу из-за пазухи листовку протягивает. За ним ещё один. А там третий. Полно листовок!

Прочитал отец, рассмеялся:

— Хитёр Гоц, да глуп: листовок-то много, а голова одна. Вы бы лучше

вместо этого по хорошему куску красного ситца принесли!

— Это зачем же?

— Сшили бы красное знамя, чтобы под ним в бой идти. Со Щорсом, с Красной Армией. За власть Советов, за товарища Ленина.

Переглянулись мужики: один матери красный платок купил, другой праздничную скатерть. А на третьем рубаха тоже красная, да только на работе просолилась, от солнца выгорела... А разговорчивый мужичок прищурился:

— А ты-то сам в бой пойдёшь или только зовёшь?

Повернулся отец к товарищам — к Храмцову, Фещенко, Шило:

— Как, пойдём или отсидимся?

Выехали на санях поутру, заворачивали в одно село, в другое, звали людей в Красную Армию. А по дороге уже встречали знакомых. На плечах не вязанки лука, не низки грибов, а берданки, винтовки и в кармане кусок красной материи.

Добрались до Щорса, пожал он отцу руку: «Ну, спасибо!»

А скоро вышел полк на Клинцы — гнать буржуев! И немцы вроде бы ушли — у них дома у самих революция.

И вдруг — фью-ють! — ударил по шеренгам снаряд, сыпануло шрапнелью! Затрещали пулемётные очереди, выкатил из-за леса немецкий бронепоезд с Гоцем.

Выскочили и гайдамаки с винтовками, с тесаками.

«Отрезать бронепоезд!» — приказал Щорс.

Кому отрезать, а кому идти наперерез врагу, напрямую.

Спрыгнул с саней отец, спрыгнули Храмцов, и Шило, и Фещенко.

Идут, не дрогнут. Плечо к плечу. А над ними, на ветру, красное знамя. И светятся в нём и скатёрка с праздничного стола, и просолённая крестьянская рубаха, и алый материнский платок.

Рис. Н. УСТИНОВА

Приглашает Мурзилка

Дорогие октябрята! В прошлом номере я обещал, что в феврале мы с вами встретимся на страничке «Мурзилка в Звёздочке». Вот я и сдержал своё слово. Вы уже, наверное, сообразили, почему страничка так называется. А кто ещё не догадался, сейчас объясним.

Все вы, мои читатели и друзья, с первого класса не просто школьники, а ещё и октябрята. У вас есть октябрятская группа, а в ней группы поменьше — из пяти человек — звёздочки. И не сами по себе, а рядышком с пионерским отрядом. Он заботится о том, чтобы всех вас подготовить и принять в свою пионерскую семью. Ребят надёжных, честных, добрых, трудолюбивых. Тогда из октябрятской группы родится новый пионерский отряд. Но прежде чем это произойдёт, как много предстоит вам узнать, понять, открыть. И здесь не обойтись без помощников: вожатых, учителей, родителей. И без меня — Мурзилки. Я очень хочу помочь вам получше разобраться в Правилах октябрят. Готов по первому вашему зову прилететь туда, где будет проходить сбор «Как мы выполняем Правила октябрят» (или какое-то одно правило, на выбор). Только не забудьте прислать к нам в редакцию вот этот пригласительный билет.

Ваш МУРЗИЛКА

Этот билет ты пришлёшь в «Мурзилку». Но такой же можно сделать ещё сами и вручить совету дружины, родителям, старшим друзьям.

Незадолго перед сбором группы соберитесь в звёздочках. Вместе подумайте над такими вопросами: зачем октябрятам правила? Что мешает их выполнять?

А когда наступит день сбора, вспомните разные случаи, которые были в вашей жизни. И хорошие и неприятные. Вспомнили и подумали, как надо жить октябрятам, чтобы не стыдно было носить на груди красную звёздочку.

С. РОМАНОВСКИЙ

ШЛЕМ И БУДЁНОВКА

Русский боевой шлем, в отличие от тевтонских стальных шапок с рогами, закрывающих всю голову, никогда не был устрашающим.

Он был красивым.

Наш шлем плавно, как плод, вытягивался вверх и заканчивался заострением — черешком.

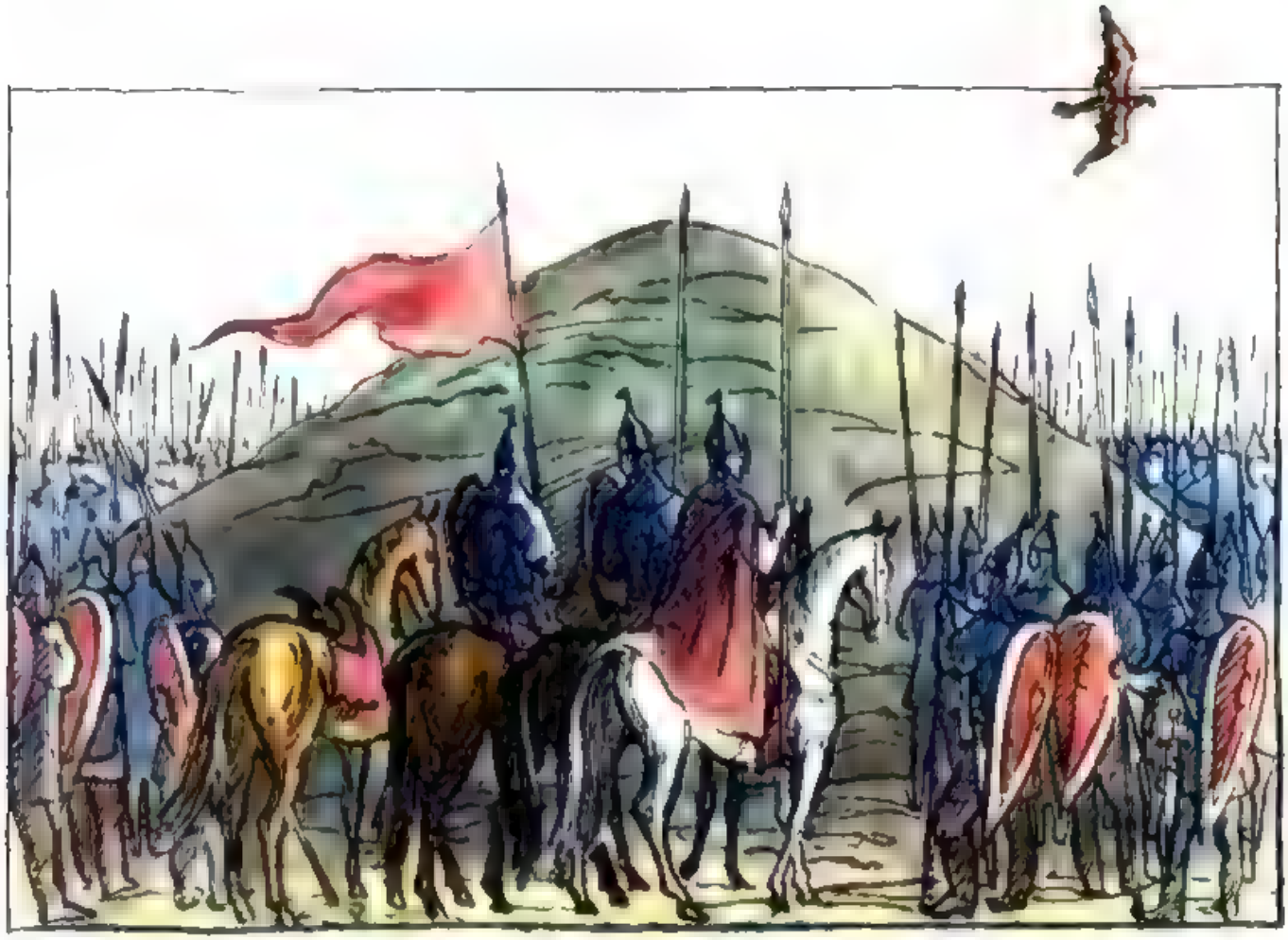
Шлем наш назывался ещё «прилбица», то есть он находился при лбе, прикрывал лоб воина. Было у него ещё имя «шелом» или «шишак». А высокое навершье звали «шиш». Навершье завершалось железным прутом, на котором укреплялся красный флажок — яловец.

Округлая форма шлема делала удары по нему скользящими и отражала их. А красный флажок — яловец — помогал в бою, даже в тумане, отличить своих от чужих.

Флажок честно говорил:

— Здесь — русские!

У иных шлемов вдоль нижнего края были скважины — для прикрепления бармицы. Бармица — это кольчужная



сетка или вокрой из стальных пластин. Она закрывала шею, частично плечи и лицо воина.

Как всякий головной убор, шлем заказывался мастеру или подбирался по размеру головы воина.

В старину на могилах погибших героев насыпали курганы. Землю воины приносили в своих шлемах — от рядового дружинника и до князя. Насыпать начинали с середины кургана, постепенно отходили к краям. Воинов было много, да и воздвигать курган считалось делом чести.

А после битвы или тяжёлого перехода воины пили воду из шлемов. Про деда Александра Невского — Всеволода писали, что он с воином может «Дон шлемами вычерпать». Древнерусский писатель был недалёк от истины. В южных степях Руси текло много пересыхающих речек – воробью по колено. И такую речку войско Всеволода с воинами и лошадьми могло выпить до дна.

Войско уходило, речка набирала силу из родников и, малая, опять спешила к большой реке.

Шли века, и шлем стал забываться. Забываться, да не совсем.

После победы Великого Октября в Красной Армии была введена новая форма, где самое выразительное — матерчатый шлем.

Шлем этот придумал художник Виктор Михайлович Васнецов, автор знаменитой картины «Богатыри», знаток русской старины.

Изготовлялся он по образу и подобию среднерусского шлема: матерчатый шишак с матерчатыми же крыльями — бармицей. Крылья эти застёгивались на две пуговицы у подбородка, когда холодно. А когда тепло — откидывались назад или поднимались наверх.

Этот военный головной убор народ прозвал «будёновка» — в честь героя гражданской войны Семёна Михайловича Будённого.

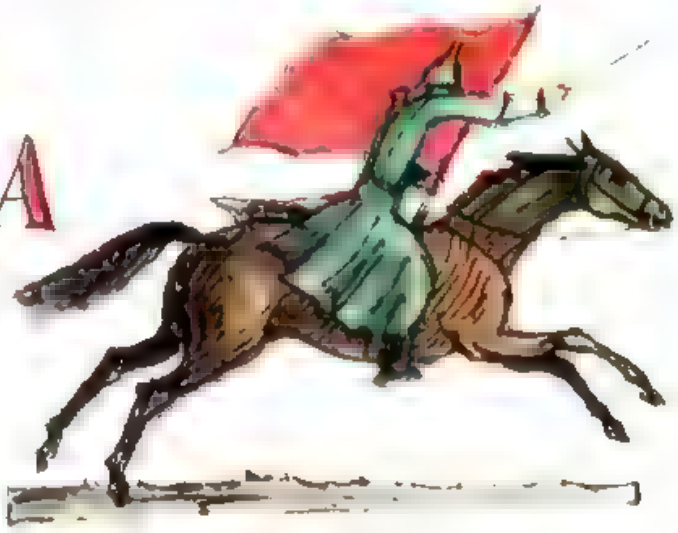
Как былинные богатыри, мчались красные конники на врага. В их десницах сверкали сабли, рдели звезды на прилбицах. И, как былинные богатыри, победили они тучи врагов, что было взяли в кольцо Русь Советскую

Была былинная будёновка и у Владимира Ильича Ленина. Дело в том, что он был зачислен почётным красноармейцем в ряды Красной Армии

Ему выдали полное красноармейское снаряжение: тяжелую пехотную винтовку со штыком и запасом патронов к ней, гимнастёрку, брюки, сапоги, шинель с красными шевронами

И — будёновку

Ленин всегда подчёркивал, что он рядовой революции, и очень гордился своим воинским званием — красноармеец



ШЛЕМ ОТЦА

Мой отец был командиром Красной Армии. Так случилось, что его будёновка осталась у нас дома.

Мама не давала мне её носить. Берегла для отца, надеялась, что отец вернётся

Когда стало известно, что будёновки

в армии заменены шапками, — я стал обладателем отцовского шлема

Почему-то мы никогда не называли его будёновкой, а звали «шлем» или «шлём». А учительница истории говорила, что можно звать и «шелом», и отсюда слово «ошеломить» – ударить оружием по шлему. А в современном значении — сильно удивить

В войну не хватало дров, в школе было холодно, как на улице, и нам разрешалось сидеть в пальто и шапках

Я сидел в отцовском шлеме и оттого казался выше своего роста, потому что у шлема был высокий шишак Шлем был из жёсткого сукна, корпус его на вате На налобье — командирская звезда брусничного цвета. Шлем согревал меня, а мне думалось, что это вернулся отец и я слышу его теплое дыхание

Некоторые ребята просили меня дать им посидеть в шлеме. Особенно настойчиво просил татарин Коля. Он был маленького росточка, втайне пере-

живал из-за того, и шлем сразу делал его высоким

Так мы частенько и сидели: Коля в шлеме, а я в его бараньей шапке, от которой остро пахло овчиной. Колин отец был на фронте. Я понимал, что мой шлем помогает ему быть ближе и к своему отцу

Конечно, всё это вслух мы не высказывали, а душою чувствовали.

Наши стали побеждать. Врага погнали из России. В школе появились дрова, и стало тепло. Теперь мы занимались без пальто и шапок

Наши отцы не пришли домой.

Я брал в руки шлем отца, вдыхал запах военного сукна и думал, что отец жив и мы скоро свидимся

От времени шлем выцвел, но алая эмаль командирской звезды не погасла, и в ней мне виделись пожарища войны

А всё-таки чаще алая звезда напоминала мне прозрачную ягоду-бруснику или костянику. Вот потеплеет как следует, леса оденутся смолистым земляничным жаром.

Тогда придёт мой отец, и мы с ним пойдём по красные ягоды по тихой, тёплой родной земле

Рис Н. РОДИОНОВА

ВОИН-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Любимым оружием наших предков был меч

Прямой, обоюдоострый, то есть заточенный с обеих сторон, выкованный из прекрасной стали, русский меч был оружием рубящим, колющим и ударным одновременно

Меч состоял из лезвия, крестовины и рукоятки с набалдашником, большей частью круглым

Обычный меч держали одной рукой Самый тяжёлый и длинный — до полутора метров — двумя руками. Его так и называли: двуручный меч

В Берлине, над братской могилой советских воинов, на зеленом кургане стоит бронзовый воин-освободитель На нём плащ-палатка. Левой рукой он держит спасённого ребенка

А правой сжимает рукоять тяжёлого

древнерусского меча. Этим мечом воин рассекает фашистскую свастику и попирает ее обломки.

Вокруг — белоствольные родные наши березы.

Между тем в минувшую войну мечей в армии не было. Наши воины воевали с винтовками, автоматами, пулеметами, пушками... Не лучше ли было бы вложить в десницу воина-освободителя, скажем, автомат? Нет, не лучше.

Автоматы меняются, забываются, а меч остается как эмблема мужества. А для нашего государства, которое на протяжении сотен лет вело оборони-

тельные войны, меч — символ защиты Отечества и воинской доблести. Оружие наших богатырей и великих полководцев Александра Невского и Дмитрия Донского.

И меч в деснице у воина-освободителя, героя Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов, приравнивает его к былинным богатырям и связывает с героической историей нашей Родины.

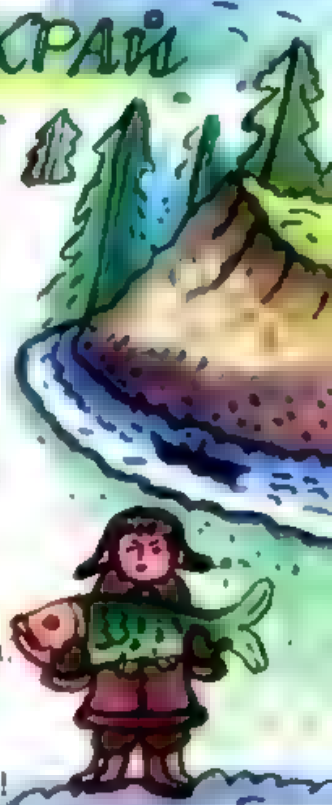
ЕКАТЕРИНА КОРКИНА

ВОТ КАК ВЫРАСТУ БОЛЬШИМ

Вот как вырасту большим
Я под стать родителям,
Помогать я стану им —
Буду я строителем!

Стану красить я тогда
В сто оттенков здания,
Чтоб сияли города
Северным сиянием!

РОДНОЙ КРАЙ



Простор открыт:
Вот тундра спит,
А вот село моё стоит.

Течёт река
Издалека,
О валуны скребёт бока.

Олень силён,
Но покорён —
Моей рукой стреножен он.

Быстра река
И глубока,
Но не страшна для
рыбака.

Расти, играй,
Но отчий край
Храни в душе, не забывай!

Перевёл с саамского
Николай ГОЛЬ

Книга Юрия Коваля «Полынные сказки» получила первую премию на Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу.

Поздравляем автора!

Прочитайте сказку из этой книги. Она скоро выйдет в издательстве «Детская литература».

Сказка про серебряного сокола

Юрий КОВАЛЬ

рисовал
Сергей Денисов

вот ещё какое было. Жил солдат, служил солдат. Отслужил свой срок — отпустили его на родину. Пошёл солдат на родину. Идёт и думает: «Вот иду на родину, а зачем иду? Ведь у меня там родимых нету — ни батюшки, ни матушки, ни братьев, ни сестёр. Всё одно — отпустили на родину, на родину и пойду»

Идёт путём-дорогою, а навстречу ему нечистый:

— Стой, служивый. Куда идёшь?

— На родину.

— Э, что тебе там делать! Ведь у тебя там родимых нету.

— Всё одно. Отпустили на родину — на родину и пойду.

— Постой-постой,— сказал нечистый.— Не спеши. Сослужи-ка мне, служивый, службу.

Задумался солдат, оглядел нечистого. Не понравился ему нечистый — рожа сладенькая, а грязная, ушки дрожат.

— Какая,— спрашивает солдат,— служба?

— У меня три сокола живут, в трёх разных клетях. Покарауль их, пока я за жалованьем слетаю. Вернусь, щедро тебя награжу.

— Ну что ж,— сказал солдат,— соколов стеречь — служба не хитрая. Согласен.

Вот отвёл нечистый солдата в свои палаты, а сам за жалованьем полетел.

Взошёл солдат в первую палату и видит — стоит там на полу медная клеть. А в той клети сокол бьётся. Крылья у него бурые, грудь красная, а глаза так медью сверкают, аж в кровь отдают.

Яростно глянул на солдата сокол, бросился на решётку.

— Ну-ну,— сказал солдат,— тихо, тихо,— и пошёл в другую палату.

А там в серебряной клети сидит белоснежный сокол. Тихо сидит да спокойно. Пригорюнился, видно. Только приоткрыл свои ослепительные серебряные глаза, глянул на солдата и снова их закрыл.

— Ну-ну,— сказал солдат,— отдыхай,— и пошёл дальше.

А в третьей палате в золотой клети солнечный сокол сидел. Он и вовсе не поглядел на солдата, оборотился к нему спиной, и как ни старался солдат, а в глаза соколу заглянуть ему не удалось. Совестно отчего-то стало солдату.

— Так ты, это, не сердись,— сказал солдат солнечному соколу.— Служба такая.

Вот солдат вышел в сад, видит — берёза. Сел он под берёзу, стал цигарку крутить. И вдруг слышит:

— Солдатик...

Огляделся — не видно никого, а снова вдруг слышит:

— Солдатик, а солдатик!

— Чего? — говорит солдат, а сам всё головой крутит — и не видно никого.

— Солдатик, сослужи мне службу.

— Сослужил бы,— говорит солдат,— да не знаю, кто ты таков. Потому что не вижу.

— Ты меня видишь, только не поймёшь. Это я с тобой говорю, берёза, под которой ты сидишь.

— А! Ага! Вон чего! Так это ты, что ли, берёзка, со мною говоришь? Так выходит?

— Ну да, это я, берёза, с тобою и говорю.

— Вот ведь как бывает! — сказал солдат.— Ну давай, берёза, говори дальше.

— Вот я и говорю,— сказала берёза.— Ты как служишь-то? За деньги или по душе?

— Я-то? — сказал солдат.— Я-то, брат берёза, за деньги служу.

— Жалко...— вздохнула берёза и замолчала.

Солдат посидел, покурил и говорит:

— Ты чего, берёза, молчишь-то?

— Да ведь ты за деньги служишь,— сказала берёза.— А откуда у дерева деньги? Мне-то бы надо по душе сослужить.

— Неужто у тебя ни копейки нету? — спросил солдат.

— Нету, солдатик.

— Да,— сказал солдат,— обидно. Ну ладно, говори свою службу. Сроду я дереву не служил. Попробую.

— Так ведь ты теперь нечистому служишь. Гляди — деньги потеряешь.

— Ладно. Помалкивай,— сказал солдат,— не твоё дело. Говори службу.

А то разболталась, деньги мои считает. О какой службе просишь?

— А вот какой. Ты пойди вон в ту деревню, что на горке, и найди там дедушку Николая. А что тебе скажет дедушка — исполни. Понял?

— Ладно,— сказал солдат,— понял не понял — не твоё дело. Некогда мне с вами, с берёзами, лясы точить. Сиди тут, в земле, и жди, а то болтает с каждым встречным солдатом.

Вот солдат пошёл в деревню, что на горке. Вдруг видит — навстречу дедушка.

— Здорово, дед.

— Здравствуй, солдатик.

— Не ты ли Николай?

— Я и есть. А что?

— Да там берёза одна растёт. Ну такая, белая. Так вот, велела спросить, чего мне делать?

— А,— сказал дедушка Николай,— берёз-то на земле много, и сосны есть. А делать тебе, я и не знаю что. А ты делай, что сердце прикажет.

Сказал эдак дедушка-то и пропал с глаз.

«Вот незадача,— подумал солдат,— что сердце прикажет? А чего оно приказывает? Не пойму. Кажется, попить хочет».

Напился солдат из ручья, пошёл дальше. А сердце новый приказ командует: перекусить. Достал солдат буханку хлеба с луковицей, исполнил приказ. Так и добрался до палат нечистого

Вошёл в медную палату. И тут же забился в клети кровавый сокол. Бьётся, бушует, рвёт когтями решётку, с яростью глядит на солдата.

«А ведь жалко красавца,— подумал солдат,— сидит в клети — света белого не видит. Отпущу».

Раскрыл он клеть — и вырвался сокол на волю. Да только первым делом напал на солдата, щёки ему до крови исцарапал — и вылетел в окно.

Заплакал солдат, сел на пол.

«Вот они,— думает,— приказы сердца. Эх, солдатская доля!»

Поплакал, пошёл на улицу, в сад. Глядит — на берёзе сокол кровавый сидит, яростно сверкает оком, того гляди, кинется на солдата.

— Ну ты, потише,— сказал ему солдат.— У меня ружьё картечью заряжено. Вмажу, если надо.

И сел под берёзу.

— Солдатик, а солдатик,— услышал он голос,— сполнил службу?

— Сполнил, сполнил,— ответил солдат.— И дедку видел, и всё исполнял, да только вот лицо моё расцарапали.

— Не беда,— сказала берёза.— Я тебе его соком полью.

И вот вдруг видит солдат: берёза-то зашевелилась, и там, где развилка была, показалась вдруг голова девичья, а вслед за головою — плечи. И вышла вдруг из берёзы девушка по самую грудь. И закапал с берёзы сок, и прямо на солдатские раны. И они тут же заживать стали.

«Во как! — думает солдат.— Ну и ну!»

А девушка, которая из берёзы вышла, глядит на солдата ласково:

— Молодец, солдат.

— Молодец не молодец,— говорит солдат,— не твоё дело. А ты давай, вылезай дальше.

— Не могу,— девушка говорит.

— Это почему же ты не можешь?

— Не знаю

— Эх, бабы! — сказал солдат.— Ладно. Пойду второго сокола выпускать. Совсем, серебряный, сгорюнился. Как бы не помер.

Пришёл солдат в серебряную палату, раскрыл клеть. А сокол серебряный только глазом на него взглянул, а из клети не летит. Взял тогда солдат его на руки, вынес на волю.

— Давай, давай,— сказал он,— лети. Вот она, воля серебряная.

Хлопнул сокол крылом, взлетел тяжело и сел на берёзу.

А девушка-то берёзовая охнула, да и вышла из берёзы по пояс.

— Ну, не ожидал,— сказал солдат,— давай дальше-то.

— Не могу,— сказала девушка и улыбнулась.

— Да,— сказал солдат,— придётся, видно, третьего сокола отпускать.

Пошёл в золотую комнату. А сокол солнечный и не смотрит на него. Раскрыл солдат клетку, схватил сокола за крыло — руку обжёг. Схватил за другое — оледенил его сокол. Никак не схватить сокола, никак из клети не вытащить. Бился-бился солдат, обмотал руки тряпками, да и ухватил всё-таки сокола, поволок на улицу.

Всё лицо солдатское обожгло жаром, да и через тряпки руки ожгло-охолодило.

А потом уж, когда на улицу вышли, оглянулся всё-таки на солдата сокол, прожёг ему глаза золотым взглядом, тут и ослеп солдат. Пал на землю, а сокол из рук его в небо ушёл.

Не стал плакать солдат, когда понял, что ослеп. Что толку слепому плакать? Вот лежит солдат на земле и вдруг слышит:

— Солдатик, а солдатик, ты живой?

— Живой вроде, — солдат говорит.— А ты-то как? Вышла из берёзы?

— Вышла.

— А до конца ли?

— До конца. Это ведь нечистый меня околдовал. А ты теперь меня спас, из дерева на волю вывел. Эти ведь соколы — мои братья родные.

— Ничего себе братцы,— солдат говорит,— медный всё лицо мне расцарапал, а солнечный глаза прожёг.

— Не беда,— девушка говорит,— серебряный тебя спасёт.

И тут слышит солдат шум крыльев и чувствует — на грудь ему села птица. И вдруг что-то капнуло ему на глаза, и он увидел, что на груди его сидит серебряный сокол и плачет и капают его слёзы в солдатские глаза. И слёзы соколиные проясняют взор.

Взлетел сокол — поднялся солдат на ноги.

Глядит — девушка. Берёзовая. Глаза тёмные, как те чернины на коре берёзовой, а кожа-то не белоснежная, как берёзовая кора, а тёплая и розовая, как дерево, что прячется под корою. А уж рубашка — белокорая.

На одном плече её — медный сокол сидит, на другом — золотой. А серебряного она к сердцу прижимает.

Шагнул было к ней солдат — вдруг небо потемнело, гром ударил вдали. И понял солдат — нечистый летит. Схватил ружьё.

И видят они — крылья кожаные небо чертят, нечистый летит, жалованье в узелке несёт. А за ним туча мчится, хочет нечистого молнией сразить.

Увернулся нечистый от молнии и как раз солдату на мушку попал.

Ударил солдат картечью — только перья полетели и жалованье из узелка потряслось. Тут и накрыла их туча, хлынул ливень, да такой, что все зажмурились.

А когда открыли глаза — не было нигде нечистого и туча пропала.

И смотрит солдат — стоят рядом с девушкой три паренька, смеются, потому что мокрые все. Один-то — огненно-рыжий, другой-то — русый, солнечный, а третий — весь седой. Молодой такой, а уже седой.

Долго они смеялись, потому что мокрые были да и расколдованные.

Посмеялись, взялись за руки и пошли в родную деревню. И солдат, конечно, с ними.

Стали жить хорошо, под одной крышей.

Солдат подумал-подумал, да и женился на берёзовой девушке.

— Понравилась она мне,— признавался он братьям.

А с братьями очень подружился солдат. И особенно полюбил он серебряного. Ласковый потому что тот был, сердечный. Бывало, всё о чём-то грустил.

Виктор ЛУНИН

Я и Вовка

Хотели мы с Вовкой пойти в кино.
Мы это решили давным-давно.
Но тут Серёжка позвал его,
И Вовка бросил меня одного.

А как же я,
А как же я?
Ведь он говорит, что мы — друзья!

Хотели мы с Вовкой в поход пойти,
Уже собрались мы с ним почти,
Но Петька его позвал гулять,
И Вовка бросил меня опять.

А как же я,
А как же я?
Ведь он говорит, что мы — друзья!

Хотели мы с Вовкой пойти в музей.
Меня торопил он: «Скорей, скорей!»
Но тут Олег заглянул в наш класс,
И Вовка с ним убежал тотчас.

А как же я,
А как же я?
Ведь он говорит, что мы — друзья!

Вчера я за партой один сидел,
Сидел и на Вовку с надеждой глядел.
Но Вовке всё было — трын-трава.
Взглянул на меня он едва-едва.

А как же я,
А как же я?
Неужто мы больше с ним — не друзья?

А нынче я снова счастливым был.
Нет, нет! Мой Вовка меня не забыл!
Сказал он мне: «Витька! Ты бы не смог
Пойти сегодня со мной на каток?»

И сразу я,
И сразу я
Воскликнул: «Конечно! Ведь мы —
друзья!»

Рис. К. ОРЛОВА

Владислав Бахревский

Арсюша и другие шестилеточки

Продолжение

НО-ТА, НА-ТА

На чтении изучали новую букву «т», а потом составляли слова из слогов. но-та, На-та

Учительница вызвала к доске Ваню Горшкова Он к доске вышел, взял указку, показал на слоги, но ничего не сказал

Садись. К доске пойдёт Петрушин

Петрушин тоже слоги показал, а вслух ни гу-гу

Тогда Мария Васильевна вызвала маленькую-премаленькую беленькую-пребеленькую Люсечку, и она очень звонко, на весь класс отчеканила:

Но-та! На-та!

Прекрасно! — сказала Мария Васильевна и увидела поднятую руку. Филинов, что ты хочешь спросить?

Арсюша встал и сказал:

Неправильно

Что неправильно? Ты считаешь, что Люся ошиблась?

Люсечка прочитала правильно.. Только мы все из детсада, мы книжки умеем читать. Нам легко: но-та, На-та, а Горшковы читать не умеют, и Петрушин не умеет

Петрушин лягнулся под столом и прошептал страшным шёпотом:

Предатель!

Нет, Петрушин,— сказала Мария Васильевна, — Филинов не предатель, а верный друг. Он хочет, чтобы ты не отстал от класса. Я, Арсюша, обязательно позанимаюсь с ребятами, но и вы, кто уже умеет читать, помогайте своим товарищам

Арсюша сел и опять поднял руку.

Что ещё? — спросила его Мария Васильевна.

Можно выйти?

— Он семь стаканов молока выпил,— объяснила учительнице Люсечка.

Как семь?!

Не семь, а четыре,— сказал Арсюша,— И ещё дома целую кружку.

РОДСТВЕННИК

Арсюша не торопился вернуться в класс. Поднялся по лестнице на второй этаж. Замер перед заветной дверью кабинета «Зоология».

Дверь была приоткрыта, и Арсюша вошёл.

В кабинете в высоких стеклянных цилиндрах — змеи, лягушки, ящерицы. Во всю стену коллекция бабочек. В шкафу — чучела птиц, зверушек. Но Арсюша подошёл к окну. Между окном и доской в большой клетке жил старый филин.

Арсюша подумал, подумал и взобрался на подоконник. Ему хотелось поговорить с филином:

— Здравствуй!

Филин повернул к мальчику большую ушастую голову, и его золотые с чёрными огромными зрачками глаза светились, будто в них горели лампы.

- Мы с тобой родственники? — спросил Арсюша.— Ты — филин, а я — Филинов.

Мальчик взмахнул руками сначала медленно, потом быстрей, быстрей, но почему-то не полетел, и филин отвернулся от него

Научи меня летать! Ну, пожалуйста,— попросил Арсюша о заветном. Филины летают ночью. Я тоже буду летать ночью. Никто об этом не узнает. Это будет наша тайна.

И тут в коридоре: цок-цок-цок. Арсюша спрыгнул на пол, и в это время в класс вошла учительница биологии.

У нас гости?

Нет,— сказал Арсюша.— Я — наш.

— Ты приходил к Филе?

- Да,— признался Арсюша.— Он мой родственник

Родственник?!

Ну, конечно! Моя фамилия – Филинов!

Ах, вон что!.. Навещай нас, Филинов. Но только не во время уроков. Договорились?

Договорились,— согласился Арсюша. Он мышами питается?

Мышами...

Я ему наловлю!

О, нет, нет! — спохватилась учительница.— Филин ловит мышей в лесу В неволе у него другой рацион.

– Жаль,— сказал Арсюша.— Я бы и в лес сходил.

СВОБОДНОЕ ОТ УРОКОВ ВРЕМЯ

После уроков прогулка, но за школьную ограду выходить не велено. Двор большой. Есть заросли сирени: можно в прятки поиграть. Есть футбольное поле: можно поиграть в салочки. Есть спортивный городок: рукоход, бревно, турник.

Братья Горшковы измерили Арсюшу рулеткой, а в нём всё те же 30 метров 9 сантиметров.

Ничего ты не вырос! сказали братья.

- Днём и не растут! – выручила Арсюшу Люсечка.— Растут ночью.

Арсюша обиделся на близнецов:

А я сегодня говорящую ворону видел. Она сидела на нашей ёлке и говорила: порядок!

Теперь обиделась Люсечка:

Какой же ты всё-таки врун, Филинов

Я никогда, никогда, никогда не правды не говорю! — крикнул Арсюша и убежал от ребят за ворота футбольного поля, за яму для прыжков.

И здесь, в яме, на жёлтом, речном, привозном песке, он увидел огромного голубого жука.

— Они опять скажут, что я не видел. А я тебя видел. Ты уползай поскорее. Или улетай! Ты ведь очень-очень красивый. Ты, наверное, на небе родился. Земляные жуки чёрные, а ты — голубой

Ты с кем разговариваешь? — это незаметно подкрался Петрушин.

Арсюша загородил жука спиной, но Петрушин был глазастый.

Жужелица! — обрадовался он Здоровенная! Поймаем!

Не трогай её,— попросил Арсюша.— Она красивая. Пусть уползёт. У неё детки родятся.

Петрушин не стал слушать соседа по парте, оттолкнул и — к жужелице. И только он её схватил, только он её поднял, как жужелица пустила ему в глаза чёрную струйку отравы.

— Мама! — заорал Петрушин, бросил жужелицу и кинулся к школе.

Петрушина водили в медкабинет, Петрушину промывали глаза, а все одноклассники ждали его за дверьми. Всем хотелось пожалеть Петрушина. Только Арсюша его не жалел.

— Молодец жужелица! — говорил он. – Она и вам задаст, если тронете.

Вот ты коленку разобьёшь, а мы тебя жалеть не будем,— сказала Арсюше справедливая Люсечка

Ну и не жалейте! — Арсюша вообще не стал ждать Петрушина, пошёл в спальную комнату, разделся и лёг спать. И уснул. Так уснул, что и не слышал, как ребята раздевались, укладывались.

А вот когда Арсюша проснулся, то опять всех удивил.

Я во сне деньги нашёл! — сказал он

– Если мелочь, то к слезам! — съехидничала Люсечка.

— А я нашёл не мелочь.

А сколько? — спросил Петрушин.

Десять рублей.

– Ого! сказали близнецы Горшковы.— Везёт!

Да ведь он во сне! Во сне нашёл! закричал Витя Акулов.

ДЕСЯТКА

Дождик был мелкий, мокрый... Постоял Арсюша на крыльце, постоял, но ведь если ты ученик, если ты первоклассник, то всё равно, что рабочий, что солдат. Вперёд! Вперёд!

И Арсюша ни одного раза больше не вздохнул, пошёл по мокрой улице, среди мокрых домов, под мокрым небом. Но голову пришлось нагнуть, ему не нравилось, когда дождик по носу щёлкает.

Глядеть под ноги тоже интересно. Ручеёк, широкий кленовый лист, бумажный самолётик с надломленным крылом. Шнурок! Так можно и ботинок потерять! Целый островок листьев. А это что? Среди жёлтых кленовых ладошек — красная бумажка. Арсюша нагнулся и поднял — десять рублей!

Он сразу оглядел улицу, а на улице никого. Он постоял, подождал — никого.

– А я десять рублей нашёл! — сказал Арсюша, садясь на своё место.

— Покажи! — хором закричали близнецы Горшковы.

Вот!

— Точно! Десятка! — сказал Витя Акулов.— А где нашёл?

— На улице

Счастливчик! — позавидовала Оля беленькая. - Можно десять шоколадин купить.

- Можно много всего-всего! — Оля чёрненькая даже в ладоши захлопала.

Можно куклу,— помечтала Оля в кудряшках.

- Зачем ему кукла? — сказал Петрушин.— Поднакопишь и велик купишь.

Тут в класс пришла учительница.

Дети! Соберитесь. За дело. Ты что руку тянешь, Филинов?

Арсюша вышел к доске и положил на учительский стол десятку.

Я её нашел. Я стоял, стоял, но никого не было.

— Так,— сказала Мария Васильевна.— Сначала тебе сон приснился, а теперь сон сбылся.

— Да,— сказал Арсюша,— у меня сны сбываются.

— А что тебе сегодня снилось?

Сегодня я катался на верблюде.

Тут Люсечка залилась таким тоненьким смехом, словно её соломинкой щекотали.

— Ну, коли ты нашёл деньги, возьми их, сказала учительница.

— Но они же не мои.

– А что нам делать? Хозяина этих денег нет.

— Давайте проедим! — предложили близнецы Горшковы.

— В школу идёшь — завтрак, после звонка — завтрак! Не хочу проедать! – рассердилась Анжелика.

В кино! В кино! В кино! — завопили на весь класс Ромы, Вити, Саши

Каждый день по телевизору кино, – возразил Петрушин.

Пойдёмте на футбол! предложила Люсечка

— На стадион детей бесплатно пускают,— улыбнулась учительница. А куда бы ты, Арсюша, предложил пойти всем классом?

— В зверинец.

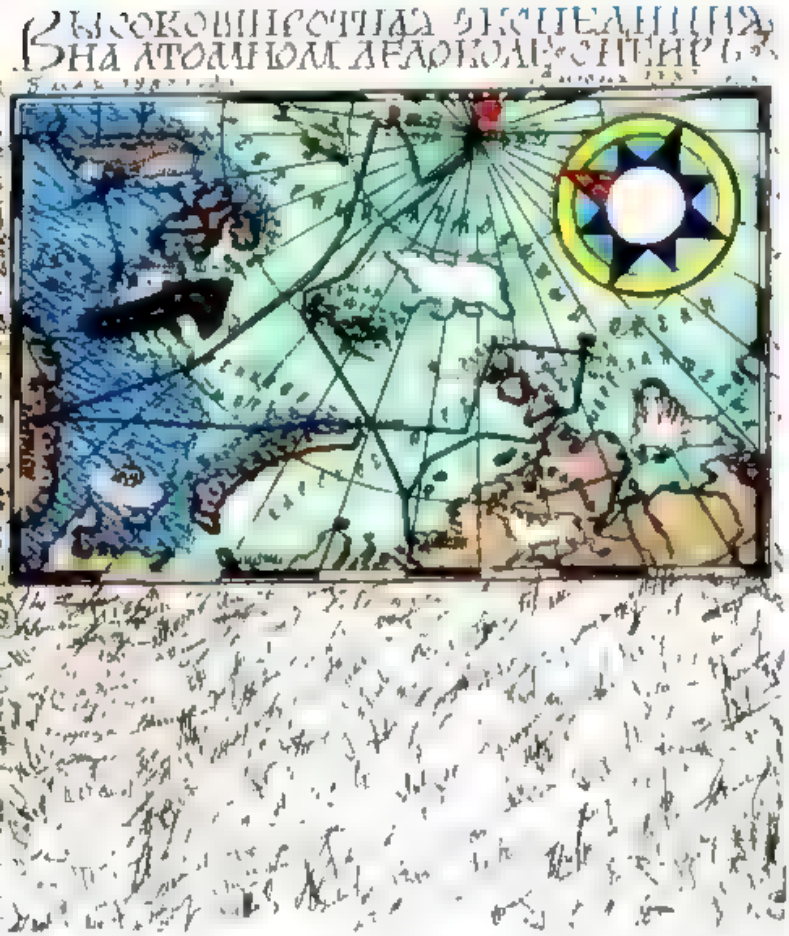
— В зверинец! В зверинец! — захлопали в ладоши Оли, и беленькая, и чёрненькая, и в кудряшках

Продолжение в следующем номере

Приключения Мурзилки и птички Чирик
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО ВЫПУСКА
Мурзилка увлёкся работой на электронно-вычислительной машине (ЭВМ). Чтобы познакомиться с историей вычислительной техники, Мурзилка, Ябеда-Корябеда и птичка Чирик отправляются в глубокую древность. Возвращаясь обратно при помощи волшебной палочки Ябеды-Корябеды, они оказываются в Древней Руси, затем во Франции XVII века. В одной из чрезвычайно опасных ситуаций волшебная палочка Ябеды-Корябеды ломается и теперь работает вполсилы...
Теперь в Англию попали
„Отец современной вычислительной техники" – так называют в наше время математика Чарльза Бэббиджа
Моя вычислительная машина выполняет команды: складывает числа, делит их или возводит в степень
Вот это да
БАХ!
Отдавайте эту штуковину!
БАХ!
Пираты!
Сейчас все уладим. Пусть вычислительная машина снова будет у нас!
Что ты наделала! Ведь сломанная палочка работает вполсилы! Теперь у нас будет только половина машины
Целая?!
Где это мы?
Хе-хе! Это же крыша дома!
Странный какой дом-то!
Это самая первая ЭВМ. Весит она целых 30 тонн
Знаю! В ней 18 тысяч электронных ламп!
Представляю! Лампы все время перегорают.
Как же мне отсюда слезть?
Может, так.
Ну, прямо орел
Или так...
Ну, прямо альпинист!
Ой!
БАЦ!
Ну уж нет! Лучше я превращу эту махину в наш современный компьютер!
Правильно! Он маленький, с него и слезать-то нечего!
Ха-ха! Опять твой огрызок только наполовину сработал!
Это ЭВМ пятидесятых годов. Считает она быстрее – до миллиона действий в секунду, а размером намного меньше!
Потому что электронные лампы в ней заменили транзисторами.
Это транзисторы
Но только когда изобрели интегральные микросхемы,
а затем микропроцессор,
появились современные ЭВМ
Доберемся мы до них когда-нибудь?
Сейчас, сейчас!
Доехали!
Ура!
Продолжение следует

Путешествие на Северный полюс

Рисунки автора



Карта похода атомохода «Сибирь». Я нарисовал ее во время плавания. И все участники похода расписались на ней

Когда я на Северный полюс собрался, мне друзья-художники советовали одних белил взять: всё там, мол, белое снег, лёд, небо, пурга. Только для белого медведя немножко чёрной — нос покрасить. Но Север, Арктика оказались очень цветными, и я радовался, что друзей не послушал, всю палитру красок взял — все пригодились. Вода океанская зелёная, от тёмной до нежно-изумрудной, лёд — ярко-голубой, даже как бы светится голубыми фонариками в щелях, где снегом не закрыт, ну а снег разный — розовый, лиловый, сиреневый, золотистый. И небо разное, хотя всё время — день, солнце вовсе не заходит. Да и медведь не очень-то белый, серовато-желтоватый, это только подслеповатые тюлени его от снега не отличают. А когда он на наш вертолёт, который его отгонял, кидался — стал тёмным, то ли от злости, то ли потому, что был против солнца.

Но начну сначала. Мой давний друг Герой Советского Союза Артур Николаевич Чилингаров, опытный полярник и моряк, пригласил меня принять участие в научной экспедиции в Арктику на атомном ледоколе «Сибирь». «Ты детский художник и журналист, расскажешь подрастающему поколению об Арктике. Может, и до Северного полюса доберёмся. Ещё ни один художник на Северном полюсе не был».

...В Мурманске на причале нас провожало много народу, гремел оркестр, торжественно стоял чёрно-белый строй военных моряков, трепетали на ветру кумачовые лозунги: «Привет покорителям Арктики!» Это и мне, а я Арктику ещё и не видел

И вот атомный ледокол «Сибирь», на борту которого большой отряд учёных, взял курс на норд — на север. Скоро показались льды, на них тюлени лежат, в воду плюхаются при нашем приближении. Льдины — то побольше, то поменьше, то опять чистая вода. Потом льды пошли сплошные, но нашему ледоколу они нипочём, он несётся, почти не снижая скорости, по бескрайним заснеженным полям. Иногда кажется, что это и не океан вовсе, а мчимся мы по широкой степи, а вокруг реки, ручьи, протоки. Моряки так и называют широкие трещины и разводья во льду. «Право руля,— говорит вахтенный помощник Николай Буховец рулевому,— идём по протоке до реки». Пока мы идём однолетними льдами, они толстыми быть не

могут, метр-два толщиной. Но скоро льды пошли посерьёзнее.

Наша экспедиция имеет несколько заданий, одно — срочное. Надо снять с льдины полярников, которые на ней жили и вели научные исследования. Это дрейфующая станция. Льды в Арктике не стоят на месте, они движутся — дрейфуют — от ветра, течений, даже вращения Земли. Люди высаживаются на льдину — выбирают покрепче и побольше — строят на ней лагерь и путешествуют, как говорится, «без руля и без ветрил». Обычно людей и оборудование забрасывают на льдину и забирают с неё самолётом, но эта льдина раскололась, и самолёт сесть на неё не может. Мы должны взять на борт зимовщиков и оборудование, отвезти людей на материк, забрать новых зимовщиков и их хозяйство и организовать в другом конце Ледовитого океана — в море Лаптевых — новую полярную станцию. А между этими делами — попробовать пробиться к Северному полюсу.

Станция, к которой мы идём, называется «Северный полюс-27». СП-27, будущая — СП-29. СП-28 плавает где-то в океане. Ну а первая полярная станция на льдине была ровно 50 лет назад. Весь мир ахнул, когда отважная четвёрка советских людей — Папанин, Ширшов, Фёдоров, Кренкель — высадилась с самолёта точнёхонько на Северный полюс, поставила палатки и стала там жить и работать — вести научные наблюдения в этом совершенно тогда не изученном районе земного шара, наедине с жестокой стихней. Сжатия и подвижки льдов — их льдину несколько раз ломало, мороз, страшные метели, белые медведи, наконец,— каждый миг таил смертельную опасность. С миром их связывал только слабый писк морзянки маленькой радиостанции, два раза над ними пролетали наши самолёты, ведомые героическими экипажами В. Чкалова и М. Громова, которые совершали беспримерный перелёт Москва — Северный полюс — Америка. И когда через 274 дня их льдину, уже не-

Последний день работы полярной станции СП-27.

Капитан атомного ледокола «Сибирь» З. А. Вибах.

большой её остаток, унесённую далеко на юг к берегам Гренландии, нашёл ледокол «Красин» и спас отважных, весь мир приветствовал героев. И для меня, московского мальчишки тех далёких довоенных лет, слова «подвиг», «героизм» прочно связались со словами «Север», «Арктика», «Северный полюс».

Ледокол ломает толстенные льды, чёрные трещины бегут во все стороны, здоровенные глыбины выворачиваются из-под бортов. Начались торосы — нагромождения льдов. Но ледокол потому так и называется, что умеет проходить во льдах там, где другим судам ходу нет. Его нос — форштевень — скошен книзу, ледокол выползает на лёд и крушит его своей тяжестью. Корпус ледокола из толстой стали и устроен так, что сжатия льдов, погубившие столько кораблей, ему не страшны — его только выпирает вверх.

Но скоро льды пошли такие, что даже наша «Сибирь» с ними не сразу может справиться. Влезает носом на лёд и замирает. Даёт задний ход — реверс, сползает со льда, да иногда не сразу сползает, льды заклинивают корпус, тогда перекачивают воду из огромных цистерн в носу корабля в кормовые цистерны, чтобы нос облегчить.

Интереснее всего на ходовом мостике, откуда судном управляют. Капитан, вахтенные помощники, штурманы ведут судно, выискивая трещины, разводья, лёд потоньше. Им помогают локаторы, которые радиосигналами ощупывают путь, вертолёт слетает с кормы в разведку. Получаем фотографии этого района Арктики со спутника. Но всё равно, главное — умение и опыт судоводителей.

А на судне все заняты своими делами. Механики обеспечивают работу механизмов, электрики следят за своим сложным хозяйством, радисты держат связь с землёй, химики и физики контролируют работу атомных реакторов, матросы трудятся на разных судовых работах, повара готовят вкуснейшие морские обеды. Работают библиотека, медицинские кабинеты. Свободные от вахты моряки играют в волейбол в спортзале, в шахматы-шашки в шахматном клубе, плавают в бассейне с морской водой, смотрят фильмы в кинозале. Даже танцы по вечерам.

Долго мы пробирались к СП-27. Иногда за целую вахту — четыре часа — мили не могли пройти. В бинокль вижу станцию, чёрные точки людей — а мы еле ползём. Наконец подходим осторожненько, чтобы льдину не повредить: несколько деревянных домиков, палатки, красный флаг развевается — и стоят тесной кучкой 14 зимовщиков, храбрых полярников, живших и работавших здесь целый год так далеко от человеческого жилья, посреди безлюдного Ледовитого океана. Спущен трап, объятия, мы гуляем с ними по их льдине, такой вблизи обжитой и даже уютной. Прыгают от радости их собаки, здоровенные полярные лайки Вега и Буран, крошечный чёрный щенок тычется в ноги. Бедная Вега, уже в Москве я узнал, что она погибла на СП-29, храбро за-

На рейде Мурманского порта.

Электрик Сергей Гомеров. Мы с ним жили в одной каюте.

Футбол на макушке планеты.

щищая лагерь от белого медведя.

Заглядываем в домики — здесь жильё, тут лаборатория, а где флаг — кают-компания, это и клуб, и столовая. В красной палатке прорубь посередине, океан исследовать. Трактор стоит, лодка, чтоб через разводья переплывать. А кругом — льды, торосы. И вдруг — я чуть не упал от изумления — птичка, со скворца, скачет, щебечет, прямо у ног крутится, весёлым глазом на меня косит. Откуда? Это ж 88-я параллель, два градуса до полюса, до ближайшей земли — да и не земля там, тот же лёд и снега да голые скалы — тысяча километров! Это полярная пуночка, вестник тепла, они всегда прилетают к людям, где бы те ни были в Арктике, сказать им, что пришла весна!

Теперь можно попробовать пробиться на Северный полюс, на то место на школьном глобусе, где торчит штырёк, за него так просто взяться рукой, а здесь — попробуй дотянись!

Но мы дотянулись! Об этом — в следующем номере.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
Т. АНДРОСЕНКО

Редколлегия:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Г. ВИЕРУ,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
Н. СТРЕЛЬНИКОВА,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела художественного оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический редактор
Г. БЕЛОВА

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Сдано в набор 14.12.87.
Подписано в печать 30.12.87.
Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная.
Услов. печ. л. 3,36
Усл. кр.-отт. 13,44.
Уч.-изд. л. 4,1
Тираж 5 400 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 279.

Адрес редакции журнала «Мурзилка»:
125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а
Телефон 285-18-81

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21

Макет
М. ЖУРАВСКОГО

Рисунок на обложке
В. ЧАПЛИ

Перед вами флажковая азбука, с помощью которой корабли переговариваются на море. Прочти надпись из флажков на кораблике Мурзилки.

Индекс 70553

Рис. А. СОКОЛОВА

Цена 15 коп.